

ТРЕБУЕМ!

ЖИТЬ Манолиса Глазоса по-прежнему в опасности. Камера, в которой он провел многие месяцы заключения, еще числится за ним, и палач все стоит в ожидании, опираясь на свой рот. Суд над одним из лучших людей Греции продолжается.

Адвокаты, находящиеся в зале суда, уже доказали всю нелепость обвинений, предъявленных Глазосу. Лучшие юристы мира, не имевшие возможности лично привести в Афины, в своих публичных выступлениях на страницах газет и в письмах, направленных афинскому трибуналу, с несокрушимой логикой показали, что юридической точки зрения дело Глазоса не стоит выведенного яйца.

И если бы процесс, затянутый афинской охранкой, имел хотя бы отдаленное отношение к юриспруденции, он был бы прекращен через час после того, как началась. Если бы логика, доказательства и конституционные законы имели какую-нибудь ценность для афинских военных судей, за судьбу Глазоса можно было бы уже не беспокоиться.

Но дело обстоит далеко не так. Более того: создается впечатление, что чем сильнее треск от допущенных мыльных пузырей обвинения, тем больше свирепствуют судьи. Грязные брызги из лужи, в которую один из другим садятся поливочные «свидетели», летят в лицо председателю трибунала. Но он только утирается.

Итак, опасность по-прежнему угрожает жизни и свободе Манолиса Глазоса. Половина десятилетия жила адвокаты Гиттерра, по совместительству выполняющие роль судей и прокуроров в Афинах, чтобы разделаться с одним из смертельных врагов своего духовного учителя.

О нет, они не оставались без работы все эти годы, падая с чьих рук еще не смыта правдами крови Белоиниса. Но кровь и слезы греческих патриотов, пролитых в застенках асфалия в эти годы, им кажется мало. Наверное, им чудится, что замуровав Глазоса в каменный мешок или лишил его жизни, они принесут искупительную жертву на заросшей чертополохом могиле изобретателя печей Майданека и Освенцима.

Они ошибаются, конечно, эти судьи и прокуроры «свободного мира», отстававшие свою свободу убийств невинных людей. Есть нечто, что убить невозможно. Они хотят засудить идею, — об этом так ярко сказал сам Глазос. Но, хотя Меттерни и Гизо были великанами, все знают, что получилось, когда те более ста лет назад в союзе с римским папой, жандармами и полицескими ополчились на коммунизм, бывший еще только призраком...

Ныне миллионы простых людей стали реальной, сознавшей свое могущество силой.

Двести лет назад только Вольтер осмелился поднять свой голос в защиту Каласа, Сирвена и де ла Барра, осужденных и убитых церковниками.

Но на защиту Дрейфуса в прошлом веке занимались уже не только Золя... — лучшие представители интеллигентии многих стран присоединили свои голоса к гневному «я обижено!» французского романистики.

Знамение нашего, двадцатого века в том, что на защиту Манолиса Глазоса встали не только писатели, не только юристы, не только люди интеллектуального труда, но миллионы простых людей всего мира.

В редакцию «Литературной газеты» непрерывным потоком идут письма от советских людей. Они гневно протестуют против полицеского произвола в Афинах.

Это люди разного возраста. «Свободу Глазосу!» — пишут одноклассники Антона Ломоносова, Сергея Емельянова, Саша Минеева. «Спасите Глазоса!» — требует 78-летняя М. Горская.

Пишут люди разных профессий, но единые в своих чувствах. Гневом наполнены письма и фронтовики Анти-Ломонос, Серега Емельянов, Саша Минеев. «Спасите Глазоса!» — требует 78-летняя М. Горская.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 89 (4055)

Суббота, 18 июля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

С ИЛЕЗИО в Польше называют «черной». Это — угольный центр Польской Народной Республики, край шахт, металлургических заводов. Согласно «черная» Силезия различна.

В родной семье

Характерно, что никогда в Силезии не было недобро: переводить напольский язык слова дорогостоящего горного — каждый прекрасно понимал его, переводчик оставался не у дел. Волна оваций прокатывалась по толпе каждый раз, когда люди слышали меткое замечание главы советской делегации.

Приезд тов. Хрущева в Силезию еще раз продемонстрировал, в какой атмосфере проходит визит советских посланцев. И это очень понятно: ведь у нас много общих проблем, особенно проблем экономических — развитие промышленности, снижение себестоимости продукции, повышение производительности труда. Для Силезии — дляпольского угля и стали они имеют первостепенное значение. Решение этих проблем укрепляет социалистическое строительство, кроме того, непосредственно влияет на повышение уровня жизни. Вот почему так горячо было востребовано сообщение тов. Хрущева, когда он привел цифры выполнения в СССР плана первого полугодия 1959 года.

Аплодисментами ответили наши люди на его слова:

— Товарищи! Это уже

говорит о том, что можем

но варить русский борщ с мясом,

большое пить молоко и жарить яичницу...

В дни визита советских посланцев бывают моменты, когда наша дружба подчеркивается особенно сильно. Речь идет о встрече на металлургическом заводе имени Ф. Э. Дзержинского в Домброве-Гурниче. Когда собравшиеся узнали, что среди сопровождавших тов. Хрущева лица находятся ответственный работник ЦК КПСС Я. Феликсович Дзержинский, ему были оказаны знаки симпатии иуважения, как сыну «рицаря революции». Появление на этом заводе Я. Ф. Дзержинского как бы символизировало единство и многолетнюю совместную борьбу русских и польских революционеров за высокие идеалы, которые осуществлялись только теперь.

Без преувеличения можно сказать, что приезд тов. Хрущева всколыхнул всю нацию страну, прибавив ей сил и уверенности.

Зигмунд БРОНЯРЕК,

польский публицист

ВАРШАВА, 17 июля. (По телефону)

ЗАВТРА — ДЕНЬ МЕТАЛЛУРГА

ГОЛОВИНЫ ВАРЯТ СТАЛЬ

ГРОДОК и завод зовутся одинаково — Электросталь. В многотысячном опрятном зеленом городке металлургов Подмосковья все знают Флегонта Ивановича Головина. Совсем молодым приехал сюда. В сталеплавильный Головин вошел, когда только поднялись стены цеха. Новичок видел, как человек в вязкой шляпе и валеных сапогах не сводил глаз с электропечи, накалившей все вокруг, прислушиваясь к жаркому ее дыханию. Человек был главным здесь — он варил сталь. «Сумею ли я быть таким?» — думал краинский Головин.

Однажды он спросил этого сталевара: «Неужели все на глаз да на слух?» «Нет, парень, — ответил тот весело, — и на вкус.»

В этом ответе, показавшемся Головину сначала неопытным, было заключено много смысла. Труд подручного сталевара, затем сталевара, мастером стал главным смыслом жизни Флегонта Ивановича. И не только Головин-старшего, но и его двух сыновей — Юрия и Владимира, которые вместе с отцом, в одном цехе с ним, варят сейчас сталь. Старый металлург, награжденный орденом Ленина, сегодня, как обер-мастер, проверяет работу сыновей.

— Приходите в наши цеха через три, в День металлурга, — приглашает нас Флегонт Иванович, — в семейной brigade прибывает к тому времени четвертый Головин, — младший мой, Сергей, тоже будет сталь варить.

Фото А. Ляпина

денный орденом Ленина, сегодня, как обер-мастер, проверяет работу сыновей.

— Приходите в наши цеха через три, в День металлурга, — приглашает нас Флегонт Иванович, — в семейной brigade прибывает к тому времени четвертый Головин, — младший мой, Сергей, тоже будет сталь варить.

Фото А. Ляпина

НАД ОГНЕНОЙ РЕКОЙ

И в мороз,
И в жару,
День за днем,
День за днем
Он ведет поединок
Металла с огнем.
Он стоит высоко на корне
корабля. Но ему благородны
За бортом — не вода,
За бортом — стапеля.

Прикасается к листу
Голубым огнемоном —
Зафонтант металл —
Золотистым дождем.
Этот дождь
На приносит ни капли
воды. Тот, кто варит металлы,
воды. Тот, кто режет металлы.

Погожие дни
На просторах страны
Плодоносят они,
Потому что не сходят
С поста своего
Тот, кто варит металлы,
воды. Тот, кто режет металлы.

Михаил ВЛАДИМОР
г. НИКОЛАЕВ

денный орденом Ленина, сегодня, как обер-мастер, проверяет работу сыновей.

— Приходите в наши цеха через

три, в День металлурга, — приглашает нас Флегонт Иванович, — в семейной brigade прибывает к тому времени четвертый Головин, — младший мой, Сергей, тоже будет сталь варить.

Фото А. Ляпина

Погожие дни
На просторах страны
Плодоносят они,
Потому что не сходят
С поста своего
Тот, кто варит металлы,
воды. Тот, кто режет металлы.

Фото А. Ляпина

и пальцы б судорогой
свело!
Подымись, человечество!
Надо спасать
человека.
Уже рассвело!..

Слышат ли эти голоса афинские судьи?

Милионы возмущенных людей стучатся в стены вашего позорного трибунала.

А те, кто считает слишком ходячим и бедным простой разговорный язык, стремятся передать свои чувства в стихах, как Е. Ярошевский из Одессы:

Ты сумел бы
о смерти его
писать?
Пальцы б судорогой
свело!

Подымись, человечество!

Надо спасать
человека.

Уже рассвело!..

Слышат ли эти голоса афинские судьи?

Милионы возмущенных людей стучатся в стены вашего позорного трибунала.

А те, кто считает слишком ходячим и бедным простой разговорный язык, стремятся передать свои чувства в стихах, как Е. Ярошевский из Одессы:

Ты сумел бы
о смерти его
писать?
Пальцы б судорогой
свело!

Подымись, человечество!

Надо спасать
человека.

Уже рассвело!..

Слышат ли эти голоса афинские судьи?

Милионы возмущенных людей стучатся в стены вашего позорного трибунала.

А те, кто считает слишком ходячим и бедным простой разговорный язык, стремятся передать свои чувства в стихах, как Е. Ярошевский из Одессы:

Ты сумел бы
о смерти его
писать?
Пальцы б судорогой
свело!

Подымись, человечество!

Надо спасать
человека.

Уже рассвело!..

Слышат ли эти голоса афинские судьи?

Милионы возмущенных людей стучатся в стены вашего позорного трибунала.

А те, кто считает слишком ходячим и бедным простой разговорный язык, стремится передать свои чувства в стихах, как Е. Ярошевский из Одессы:

Ты сумел бы
о смерти его
писать?
Пальцы б судорогой
свело!

Подымись, человечество!

Надо спасать
человека.

Уже рассвело!..

Слышат ли эти голоса афинские судьи?

Милионы возмущенных людей стучатся в стены вашего позорного трибунала.

А те, кто считает слишком ходячим и бедным простой разговорный язык, стремится передать свои чувства в стихах, как Е. Ярошевский из Одессы:

Ты сумел бы
о смерти его
писать?
Пальцы б судорогой
свело!

Подымись, человечество!

Надо спасать
человека.

Уже рассвело!..

Слышат ли эти голоса афинские судьи?

Милионы возмущенных людей стучатся в стены вашего позорного трибунала.

А те, кто считает слишком ходячим и бедным простой разговорный язык, стремится передать свои чувства в стихах, как Е. Ярошевский из Одессы:

Ты сумел бы
о смерти его
писать?
Пальцы б судорогой
свело!

Подымись, человечество!

Надо спасать
человека.

Уже рассвело!..

Слышат ли эти голоса афинские судьи?

Милионы возмущенных людей стучатся в стены вашего позорного трибунала.

А те, кто считает слишком ходячим и бедным простой разговорный язык, стремится передать свои чувства в стихах, как Е. Ярошевский из Одессы:

Ты сумел бы
о смерти его
писать?
Пальцы б судорогой
свело!

Подымись, человечество!

СУДИЛИЩЕ В ПОЛУМРАКЕ

Из МОРО,
французский журналист

Афинский военный трибунал, разбирающий «дело» Манолиса Глэзоса и его товарищем, заседает без уставы. Манолис Глэзос и его товарищи, заседают без уставы, чем тот, где сейчас проходит суд. Две трети его плечами занимает обвиняемый, их адвокаты и прокуроры.

Публике остается не больше тридцати мест. Вернее, в два раза меньше, поскольку полиция постоянно держит в зале десять-пятнадцать шпиков. Итоге «публичности» процесса Глэзоса свелась к присутствию нескольких иностранных деятелей и немногих корреспондентов мировой печати, благо власти не решились совсем закрыть для общественности зал суда.

Приятные друг к другу так, что трудно дышать, за ходом суда следят корреспонденты газет: «Правда», «Гуде прав», «Уинт», «Оманант», агентство Франс Пресс, АДН ТАСС. Среди юристов, по просьбе Комитета в защиту Манолиса Глэзоса, на процессе присутствуют: известный английский юрист Гарвей Мур, носивший звание советника английской королевы, два итальянских депутата — Марио Берлингур и Марио Ассенатто, два французских юриста — Давид Ламберти и Эжен Аронсон, представляющие международную Лигу прав человека, Бельгийца Жорж Аронстен.

В зале всего три окна, но из-за невыносимой жары жалюзи двух, то и всех трех окон постоянно закрыты и работа военного суда проходит в полутораке. Днем и ночью тусклым светом горят две маленькие электрические лампочки, сияющие с потолка на длинных проводах. Я говорю «днем и ночью», ибо заседания идут непрерывно. Чаще всего они начинаются в восемь тридцать или в девять часов утра и длиятся до двадцати-двадцати часов вечера с перерывом на два часа после полудня. Военный суд заседает и в воскресенье. Четырнадцатого июня заседание длилось до полуночи, и только в одиннадцать часов вечера старушка-матерь Глэзоса была вызвана для показаний!

По всему видно, что у военного суда есть инструкции закончить свою работу как можно скорее. Греческие власти обеспокоены тем горячим интересом, с которым общественность следит за процессом.

Можно себе представить, насколько утомителен этот процесс для всех участников в нем, начиная от обвиняемых. Что касается трибунала, работающего буквально в поте лица своего, то его главная черта — это крайняя раздражительность (если выражаться мягко), пример которой дает сам председатель суда. На заседаниях все чаще возникают острые инциденты.

Председательствует на суде полковник Поликронопулос — маленький человек, жесты и мимика которого поразительно напоминают игру Чаплина в некоторых сценах из фильма «Диктор». Орудия судебных звонков, он то и дело угрожающе прерывает адвоката, отвечает за свидетелей обвинения, оскорбляет обвиняемых.

В припадках злобы полковник Поликронопулос во многих случаях просто кричит, что тот или иной обвиняемый «шипон». После одного такого взрыва злобы итальянский депутат Марио Берлингур, занимавшийся юридической практикой в течение 45 лет, сказал мне, что никогда, даже во французской Испании он не видел ничего подобного.

Ниаких конкретных доказательств, никаких даже слабых намеков на уликами не было приведено против Глэзоса и его товарищей. Только потому, что некоторые из них коммунисты, и обвиняют в шпионаже и против них применяется закон, предусматривающий смертную казнь за простое подозрение в намерении шпионажа.

«Даже мысли могут быть подсудимы!» — заявлял полковник Поликронопулос.

Так заявляет представитель современной инквизиции — председатель судилища в полутораке.

Народы с этим никогда не согласятся. Афины, 17 июля. (По телефону)

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элемента непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

В самом деле, г-н З., существуют такие псевдопатриоты, которые всегда готовы петь: «Все хорошо, прекрасная маркиза», — и надуваются от гордости, когда вспоминают, в каких выражениях ваша газета говорила о Федерике Юлио-Киори? Но существует и такой патриот, который предпочитает вашему (надеюсь, вы меня за это простите), патриотизму, считающий недопустимым, что этот строй сновывает нашу страну и замедляет ее развитие «впереди галанту» ее учеными и техниками.

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

В самом деле, г-н З., существуют такие псевдопатриоты, которые всегда готовы петь: «Все хорошо, прекрасная маркиза», — и надуваются от гордости, когда вспоминают, в каких выражениях ваша газета говорила о Федерике Юлио-Киори? Но существует и такой патриот, который предпочитает вашему (надеюсь, вы меня за это простите), патриотизму, считающий недопустимым, что этот строй сновывает нашу страну и замедляет ее развитие «впереди галанту» ее учеными и техниками.

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

В самом деле, г-н З., существуют такие псевдопатриоты, которые всегда готовы петь: «Все хорошо, прекрасная маркиза», — и надуваются от гордости, когда вспоминают, в каких выражениях ваша газета говорила о Федерике Юлио-Киори? Но существует и такой патриот, который предпочитает вашему (надеюсь, вы меня за это простите), патриотизму, считающий недопустимым, что этот строй сновывает нашу страну и замедляет ее развитие «впереди галанту» ее учеными и техниками.

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов непримиримы! Или между вашим личным вкусом и моделью советских пальто? И вы серьезно полагаете, что это будет вполне достаточно, чтобы обезоружить антисоветский пыл наших финансистов?

Мы — за людей

Такова их обычай манера рассматривать явления мира. Так уж они созданы, что самый простой и самый важный вопрос не приходит им в голову. Они не спрашивают, кто у нас носит пальто Диара и какие женщины в СССР сегодня одеваются изящнее, чем в прошлые времена. Они не спрашивают, для кого был сооружен Московский университет. Если они осмеливаются сравнивать цифровые показатели строительства в Москве и Париже, Ленинграде и Марселе, Киеве и Лионе, то они это делают, не задумываясь о социальном положении тех, кто населяет дома. Когда мы говорим об изменениях в советских городах, они удивляются: «Разве так уж плохо видеть на прежнем месте Елисейские поля, Тюильри, набережные и Собор Парижского Богородицы?»

Хорошо, мой коллега, но между кем будет достигнуто это примирение?

Между заработка работниц гна Пруво*** и доходами последнего? О нет, два этих элементов